

4. Гракина, Э. И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / Э.И. Гракина. – М., 2000. – 243 с.
5. Ежов, М. В. Военно-техническое обеспечение фронта в годы Великой Отечественной войны / М. В. Ежов // Народ и война. 50 лет Великой Победы. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 12 – 27.
6. Князев, Г. А., Кольцов, А. В. «Краткий очерк истории Академии наук СССР» / Г. А. Князев, А. В. Кольцов. – М., 1964. – 264 с. – С. 126 – 137.

УДК 94(476.5)

И. В. Николаева

**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВИТЕБЩИНЫ
В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНЫХ
ИСТОЧНИКОВ)**

В последнее время возрос интерес исследователей к изучению социальных проблем развития общества, особенно отражению повседневной жизни людей. Исследование этой проблемы дает возможность рассматривать человека не только в качестве объекта воздействия, но и в роли субъекта, формирующего внутреннее содержание исторического процесса, позволяет судить об особенностях ментальной структуры общества на определённом хронологическом отрезке. В связи с этим особый интерес представляет история белорусского общества послеоккупационного военного времени: с освобождением территории республики от нацистской оккупации наступил мир, но еще в течение ряда лет он был фактически полувоенным и требовал не меньшего героизма, чем война. Послеоккупационная повседневность вносила свои коррективы в систему ценностей и ожиданий, которые сформировались в предвоенные и военные годы, влияла на характер отношений общества в целом и его отдельных групп к политике властей.

Изучение условий жизни простых людей, их быта, нравов, традиций не может быть полным, а значит, не достаточно объективным без обращения к материалам устной истории. Привлечение информации, почерпнутой из рассказов очевидцев, позволяет увидеть историю послеоккупационного военного

периода глазами обыкновенных людей, отражает специфику их потребностей и мотивы поведения. Рассмотрение общегосударственных процессов сквозь призму повседневной жизни конкретного региона позволяет показать разнообразие общеисторического процесса, обогатить белорусскую военную историю новыми конкретными фактами и событиями.

Для изучения повседневной жизни населения Витебщины в обозначенный период нами были созданы аудиозаписи интервью с 33 жителями региона – женщинами и мужчинами 1916 – 1938 гг. рождения, которые в послевоенные годы имели разный социальный статус – учащегося, колхозника, рабочего предприятия или представителя интеллигенции. Беседы проходили в два этапа: «life story» и работа по опроснику. Так как запись воспоминаний проводилась спустя 70 лет после произошедших событий, в них, как правило, отсутствуют детали и подробности, однако, благодаря этим устным источникам, у нас есть возможность ознакомиться с наиболее устойчивыми, не исчезнувшими в течение длительного времени впечатлениями людей-современников тех событий. Анализ нескольких десятков воспоминаний не претендует на всеохватность и полноту описания, но позволяет в определённой мере отразить субъективное восприятие послеоккупационной повседневности. Полученные материалы сочетают в себе индивидуализированную информацию с опытом, разделённым многими.

В качестве наиболее острых, по субъективному ощущению современников, проблем послеоккупационной военной повседневности выступали отсутствие жилья, трудности с приобретением продуктов питания, недостаток одежды и обуви «люди были почти раздеты, был голод», «голодные годы были, ничего нельзя было купить», «был голод, нечего надеть» [1-3]. Также респонденты свидетельствуют о значительном распространении среди населения инфекционных заболеваний (сыпной тиф, чесотка, дизентерия и т.д.), в том числе имевших смертельный исход: «кто мог, тот обращался в больницу, у многих просто не было транспорта, а дома не знали как лечить. Очень часто умирали. Бывало, что и в больницах умирали, не хватало лекарств» [2].

Стратегии же выживания людей в исследуемый период подразумевали адаптацию к бытовым проблемам. По воспоминаниям современников, в условиях продовольственного

дефицита, когда в колхозах необходимые продукты на трудодни не распределялись, главную роль в обеспечении сельчан продуктами питания, играло содержание приусадебных участков («самым ценным была земля»), ловля рыбы, сбор грибов и ягод, домашние заготовки. Хлеб пекли с примесью различных суррогатов и небольшим добавлением муки. Дефицит различных товаров, в том числе предметов быта жители старались восполнить подручными средствами. В сельской местности распространенной стала практика возвращения к домотканой одежде и самодельной обуви: «сеяли лен, ткали на краснах, шили сами одежду, не сделаешь этого – ходи голым» [3]. В первые послевоенные годы – время острых продовольственных проблем – вопросы, касающиеся внешнего вида, стояли далеко не на первом месте среди обнищавшего сельского населения: «ходили в лаптях зимой, а летом босиком, так как нужно было беречь лапти» [4]. Вещи носились годами, передавались от родителей детям, перешивались.

В восприятии интервьюируемых, не менее тяжелой предстает и жизнь городского населения того времени: карточки, очереди, дефицит, полуголодное существование. Горожане, которые имели такую возможность, уезжали к родственникам в деревню, где было легче с продовольствием. Одним из способов приспособления и выживания городского населения в чрезвычайных обстоятельствах стала продажа на рынке остатков материальных ценностей и обмен их на продукты питания и одежду: «продавали на кусок хлеба, на пуд зерна, чтобы детей прокормить» [2].

Как городские, так и сельские жители, адаптируясь к новым условиям, вспоминали все свои предшествующие навыки и умения и стали заниматься самыми разными видами кустарных промыслов и оказания услуг: шили одежду, ремонтировали обувь, выполняли столярные, слесарные, кузнечные, гончарные и прочие работы. Многие жители перебивались случайными заработками, значительное распространение получило «отходничество». Чтобы выжить люди готовы были заниматься всем, что давало хоть какой-то доход. Тяжелее всего приходилось детям и старикам, женщинам, оставшимся без мужей.

Тяжелые социально-экономические условия послеоккупационной повседневности, острые проблемы в области питания и материального обеспечения отодвигали на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени. Современники вспоминают, что

времени на отдых было крайне мало. Отдых для большинства сельчан представлял собой лишь смену одного дела на другое. И хотя в некоторых колхозах была восстановлена работа клубов и изб-читален, деревенская молодежь предпочитала по домам собираться на вечеринки, которые сводились главным образом к танцам: «особенно зимой собирались, а летом, летом работали все» [5]. Среди массовых форм отдыха горожан популярным было посещение танцплощадок, парков отдыха, кинотеатров. К неформальным видам проведения досуга городским населением можно отнести походы в гости. В праздничной традиции, по воспоминаниям современников, основное место занимали в первую очередь семейные и религиозные праздники. Сельчане продолжали отмечать памятные религиозные даты, среди которых наиболее важными оставались Пасха и Рождество: «государственные праздники у нас никто не отмечал, но только в школе проходили митинги. А религиозные все время отмечали. Пасху отмечали как положено, чем могли, было яйцо или не было, все равно отмечали» [2].

Одной из важнейших структур повседневности являются семейные отношения. В своем большинстве женщины, как и в военные годы, в послеоккупационный период продолжали быть основными кормилицами семей, приняв на себя и мужские хозяйственные обязанности по дому. Они стали основой рабочей силой на селе, работали во вновь созданных колхозах и на личных подсобных хозяйствах, обеспечивая выживание своих детей и помогая решать задачи восстановления страны: «в колхозе плуг тягали на себе женщины, за 12 километров ходили за удобрением» [3]. Большинство информантов в годы войны были детьми и подростками, все они отмечают, что рано начинали помогать родителям: работали на колхозных полях и приусадебных участках, пасли скот: «без дела не сидели, бо надо было выживать» [2].

Что касается индивидуального восприятия власти и отношения к ее конкретным решениям и проводимым мероприятиям, то все респонденты отмечали, что слишком обременительными для крестьян были поставки по установленным нормам (молоко, яйца, мясо, масло, шерсть), большинство негативно оценивали организацию колхозов: «многие были недовольны, но ничего с этим поделать не могли» [2]. Современники, проживавшие в западных районах созданной в сентябре 1944 г. Полоцкой области, в своих воспоминаниях указывали на недовольство определенной

части населения установившейся советской властью, негативную реакцию жителей к политике по отношению к религии («многие были недовольны, что уничтожали костелы»), при этом отмечали общее восприятие, что «эта власть лучше, чем немецкая» [2, 6].

По воспоминаниям людей, проживавших на Витебщине в 1943–1945 гг., несмотря на низкий уровень жизни, основные настроения жителей характеризовались оптимистическими ожиданиями. Высокий уровень социального оптимизма в психологии жителей был связан с постепенным возвращением норм мирной повседневности в восстановительный период, надеждой на улучшение жизненных условий, исчезновением атмосферы страха: «ночью можно спать спокойно, никто не придет» [3]. С одной стороны, преодоление последствий разрушительной войны и оккупации были связаны с низким материальным уровнем жизни и тяжестью личных утрат. С другой стороны, трудности жизни – неизбежные после столь разрушительной войны и трехлетней оккупации – воспринимались с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. Люди не могли быть настроены непозитивно, так как им удалось пережить огромное несчастье – войну, по сравнению с которой трудности послевоенной повседневности воспринимались как нечто временное и преодолимое. Общность трудностей и судеб, выпавших на долю всего населения, привели к тому, что сложилась особая социально-психологическая атмосфера, отличительными чертами которой были взаимопомощь и коллективизм: «жили очень дружно, делились последним», «все помогали друг другу, были сплоченными», «дружней жили, чем сейчас... все были в горе» [2, 6, 7]. Основные настроения жителей региона определял патриотизм, гордость и желание достижения скорейшей победы над Германией («Скоро Гитлеру капут, скоро русские машины побегут») [5]. Именно последние отложились в памяти людей как приоритетные ценности повседневной жизни послевоенного времени.

Подводя итоги, следует отметить, что полученная в ходе интервью информация коррелирует с данными архивных документов, воспоминаний, и дополняет их. На основе информации устных источников можно утверждать, что основным фактором, оказавшим влияние на развитие жизненных условий послеоккупационного периода, являлись последствия Великой Отечественной войны и процессы мирного восстановления. Преодоление бытовой

неустроенности в ситуации повсеместной разрухи и всеобщего дефицита – это одна из главных составляющих стратегии выживания населения в повседневной действительности послеоккупационного военного периода. Настроения жителей региона определялись эмоциональным подъемом и оптимистическими ожиданиями в связи с окончанием оккупации, надеждой на скорый конец войны и верой в перемены к лучшей жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания С.Т. Сафроненко 1927 г.р., д. Косово Витебский р-н // Личный архив автора.
2. Воспоминания А.К. Демидко 1930 г.р., д. Иказнь, Браславский р-н // Личный архив автора.
3. Воспоминания Э.Е. Кульба 1932 г.р., д. Гритуны, Браславский р-н // Личный архив автора.
4. Воспоминания Н.А. Виташкевича 1938 г.р., д. Вишковици, Чашницкий р-н // Личный архив автора.
5. Воспоминания Э.А. Маркевича 1932 г.р., д. Волговщина, Миорский р-н // Личный архив автора.
6. Воспоминания Т.Л. Дворецкой 1935 г.р., д. Иказнь, Браславский р-н // Личный архив автора.
7. Воспоминания В.М. Богданович 1936 г.р., д. Андроновичи, Витебский р-н // Личный архив автора.

УДК 94: 338.439.5

Е. В. Сумко

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПОЛОЦКА ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ И ПРОМЫШЛЕННЫМИ ТОВАРАМИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Полоцк был освобождён от нацистских захватчиков 4 июля 1944 г. Согласно воспоминаниям А.Я. Марченко, опубликованным в книге «Память..», город, когда в него вступили, представлял собой «грудку камней, какой-то ужасный пылающий остров» [1, с. 491]. Немцы взорвали или сожгли все предприятия города, были выведены из строя водопровод, городская телефонная станция, почта, телеграф, радиоузел [2, с. 197]. Почти полностью была